

© 1993 г. МАТВЕЕВ А.К.

СУБСТРАТ И ЗАИМСТВОВАНИЕ В ТОПОНИМИИ

Период "субстратомании" [1] в лингвистике миновал, но проблемы изучения субстрата на всех языковых уровнях по-прежнему актуальны, тем более что существование бессубстратных территорий сомнительно или они крайне редки (ср. [2, с. 15]). До сих пор привлекает внимание исследователей и топонимический субстрат, характеристике и методам изучения которого посвящено много работ. Однако остались пробелы, относящиеся не столько к свойствам самого феномена, сколько к условиям и механизмам его возникновения. Особый интерес представляет вопрос о соотношении субстрата и заимствования в топонимии.

Если понимать под субстратом реликты вымершего языка, которые сохранились после ассимиляции одного народа другим, и строго следовать этому принципу, то при выявлении субстрата и разграничении субстрата и заимствования встретятся две основные трудности. Во-первых, база для сравнения может быть недостаточна¹ или вообще отсутствовать, если совсем нет фактов, которые способны объяснить предположительно субстратное явление. Во-вторых, языковой факт, который, казалось бы, должен рассматриваться как субстратный, в действительности может оказаться заимствованным.

Естественно, что решающим фактором при различении субстрата и заимствования является наличие или отсутствие этнической ассимиляции, поскольку субстратные элементы могут возникать только при поглощении одного народа другим. Но на практике такая дифференциация невероятно трудна, поскольку различны прежде всего механизмы процессов, а их результаты сплошь и рядом совпадают.

Как известно, предположения о субстрате в области фонетики и грамматики почти всегда встречают очень сильные контраргументы и само наличие субстрата тем самым становится проблематичным: достаточно вспомнить длительные споры о происхождении германского передвижения согласных и вообще специфики германских языков, аканья и цоканья в русском языке, конструкции *косить трава* в севернорусских говорах и т.п. Но даже если допустить, что германское передвижение согласных, аканье, цоканье и т.п. действительно имели иноязычный источник (что, вообще говоря, в разной степени сомнительно), а не возникли в результате спонтанного развития, фактически невозможно сколько-нибудь солидно аргументировать, что все эти явления именно субстратного типа, а не были заимствованы в давние времена из какого-либо смежного языкового источника, т.е. что не произошло заимствование, внешне напоминающее субстрат, но по механизму своего возникновения не имеющее с ним ничего общего.

Изучение субстрата в лексике несколько продуктивнее, чем в фонетике и грамматике. Его приметам могут быть, например, фонетические особенности слова, ср. сев.-русск. *вагмас* "заболоченный труднопроходимый лес" при фин. *vehmasto* "очень густой лиственный лес или кустарник", сев.-русск. *чильма*

¹ Ср.: «элементы, обусловленные субстратом, должны обнаруживаться в "чистом виде" в каком-либо сохранившемся ареале той семьи языков, к которой принадлежал вымерший язык» [3].

"окно воды в болоте" (ср. русск. диал. *глазина*, *глазовина*, а также *зенка* с тем же значением при фин. *zilmä* "глаз", саам. *iš'all'm* тж., т.е. это слово характеризуется прибалтийско-финским вокализмом, но саамским консонантизмом) (подробности см. [4]), сев.-русск. *сурпа* "вид рыболовной снасти" при манс. *sirp* тж. [5, с. 7—8]. На субстрат могут указывать также генетическая изолированность слова, ср. сев.-русск. *пенус*, *пендус* "заболоченный луг" [5, с. 16—17], остаточный ("островной") ареал или корреляция ареалов [6, с. 82—91] и т.п. Но и при наличии специфических указаний на субстрат фактически любое из приведенных слов могло быть заимствовано в русские говоры из смежного "чуждого" языка (диалекта), который впоследствии был ассимилирован. Следовательно, по механизму своего возникновения оно не является субстратным. Даже фиксация в одном-единственном населенном пункте не доказывает субстратное происхождение иноязычной по своему фонетическому облику лексики: она могла быть заимствована из языка "чуждых" соседей лишь в этом селении или со временем произошло сокращение ареала. Только различные дополнительные сведения могут в той или иной степени подтвердить предположение о субстратном источнике слова: письменные и устные свидетельства о дорусском населении, этнонимы и этнотопонимы, субстратная микропонимия, групповой характер лексем, для которых предполагается субстратное происхождение и т.п. Однако ценность таких данных тоже относительна и последующие разыскания нередко лишают их доказательной силы. Например, предположение о том, что сев.-русск. *сурпа* принадлежит лексике "поганных" тоймичей, о которых упоминают древнерусские памятники [5, с. 7], не согласуется с зоной распространения этого севернорусского слова, охватывающей почти всю восточную часть Подвинья и даже некоторые территории Костромщины.

Таким образом, и в лексике субстратные включения и заимствования различать очень трудно.

Как правило, сравнительно легко выделяется топонимический субстрат с его точной локализацией и значительной устойчивостью, но оказывается, что и в этом случае могут возникнуть свои трудности.

Обычно все дорусские иноязычные названия считаются субстратными. Между тем и в топонимии тоже есть субстратные включения и заимствования, которые необходимо различать. Можно ли, например, считать субстратными названия таких крупных сибирских рек, как *Иртыш*, *Обь*, *Енисей*, *Лена*, *Амур* [7, с. 148—149]?

Русские за полстолетие, минувшее со времени похода Ермака в конце XVI в., положившего начало освоению Сибири, добрались до ее восточных окраин. В 1632 г. был основан Ленский (Якутский) острог. А в 1648 г. Семен Дежнев достиг северо-восточной оконечности Азии. В русских грамотах того времени, непосредственных свидетельствах первопроходцев [8], фигурируют и перечисленные гидронимы. Между тем русские только что пришли в эти края, и уже поэтому об обрусении какого-либо местного населения не может быть речи. Следовательно, нельзя согласиться и с предположением о субстратном характере приведенных названий. Это бесспорно заимствования.

Источниками таких заимствований были прежде всего "расспросные речи" пленных, заложников (аманатов), местных князьков, проводников и "сказки" самих же русских первопроходцев. Вот что пишется, например, в одном таком документе 1640—1641 гг.: "В прошлом, государь, во 148 году августа в 25 день пришел к нам, холопом твоим, на Ленский волок енисейский служивый человек Посничко Иванов... с новой с Юкагирской землицы... И мы... ево, Посничка роспрашивали, сколь далече Юкагирская земляца от Якутцкого острогу и какие люди на ней живут" [8, с. 99—100]. Эта выдержка достаточно хорошо характеризует методику первоначального знакомства русских с новыми землями и их населением.

В "расспросных речах" и "сказках" того времени [8, с. 125, 139, 221,

298] упоминаются многочисленные "новые"² реки (*Ковыма* = *Колыма*, *Анадырь*, *Алдан*, *Мая* и др.), а в так называемых "чертежных росписях" указываются не только названия, но и расстояния между устьями рек, сведения о местном населении, пашенные места. Так, в "чертежной росписи" притоков р. Лены 1640/1641 г. [8, с. 106—109] упоминаются реки *Кута*, *Турука*, *Жилимжа*, *Киташама*, *Купта*, *Оленга*, *Аталанжа*, *Чичапта*, *Илга*, *Куленга*, *Онга*, *Киренга*, *Селенга* и мн. др.

Не менее показательна судьба освоения русскими гидронима *Обь*. Впервые эта река упоминается в русской летописи под 1364 г., а затем под 1483 г. в связи с походами на восточный склон Урала в Югру. На карте она появилась у Антона Вида в 1542 г. [10]. Но ведь сколько-нибудь постоянные русские поселения на Оби возникли только после похода Ермака и основания Березова (1593), Сургута (1594), Обдорска (1595). Значит, и в этом случае имело место заимствование: чтобы знать о Дунае или Двине, Оби или Енисее и даже о намного менее значительных реках, совсем не обязательно жить на берегах этих рек и ассимилировать местное население.

Этот вывод может быть приложен и к другим территориям. Известно, например, что интенсивное освоение Заволочья новгородцами началось в XI—XII вв. Но уже в первой половине XII в. в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича (1136/37 г.) упоминаются топонимы *Онъгъ*, *Ракоула*, *Кегрела*, *Емыца*, *Вагъ*, *Моша* и другие обозначения крупных объектов — значительных рек и центров будущих волостей [11]. И уже поэтому, а также в силу ранней датировки грамоты есть большие основания считать зафиксированные в ней названия заимствованными, хотя прямые доказательства отсутствуют, так как нет точных исторических данных о русских первопроходцах в Заволочье, аналогичных сибирским документам.

Таким образом, перед нами нечто вроде "культурных слов"³, которые чаще всего прилагаются к более или менее крупным объектам (рекам, озерам, населенным пунктам) и связаны с древними торговыми и военными маршрутами. Объясняется это прежде всего важностью водных путей в старину и широкой иррадиацией соответствующих названий.

Однако процесс заимствования географических названий охватывает в какой-то степени и более мелкие объекты, особенно если они связаны с традиционными водными путями, а также деятельностью первопроходцев, путешественников и их проводников. Все ситуации и возможности трудно предусмотреть. Но даже между скандинавскими названиями днепровских порогов в грекоязычном трактате Константина Багрянородного (X в.), известными сейчас только в мире науки, и мансийскими по происхождению наименованиями гор Северного Урала, прочно освоенными русскими охотниками, а также научными и спортивными экспедициями, есть нечто общее: ни те, ни другие названия нельзя отнести к субстратным.

Современная языковая действительность в районах с этнически неоднородным населением дает многочисленные примеры адстратного взаимодействия языков в области топонимии, которое можно наблюдать, например, в Предуралье, где и сейчас происходят интенсивные русско-татарские языковые контакты (ср. русск. *Верх-Тиса*, *Верхтисинская гора* > татар. *Вертиса*, *Вертиса-Тау*; татар. *Карга-Авыл*, *Яман-Зелга* > русск. *Карги*, *Еманзелга* и т.п.). Количество

² Ср.: "Как же они в прошлом в 156-м году с усть Охоты реки шли на новую (выделено мною. — М.А.) на Мотыхлей реку..." [8, с. 298]. В этой связи уместно вспомнить многочисленные коми-пермяцкие гидронимы *Вильва* "Новая река" в Приуралье, которые интерпретируются как следы вторичной коми-пермяцкой колонизации [9].

³ Ср.: "культурные имена... проникают в каждый язык вследствие культурных контактов... это имена зарубежных деятелей культуры, названия иностранных государств и их наиболее известных географических объектов и т.п." [12].

адстратных топонимических заимствований зависит от устойчивости и интенсивности этнических и хозяйственных контактов, а сам процесс заимствования осуществляется на наших глазах. Механизм заимствования прочно освоенных географических названий затемнен. Такие топонимы, напоминающие субстратные (*Лена, Обь* и т.п.), можно называть квазисубстратными. Чем активнее была в прошлом торговая и военно-экспедиционная деятельность народа на той или иной территории, тем больше в его топонимии должно быть явлений квазисубстрата.

Квазисубстратные заимствования, казалось бы, тоже можно рассматривать как адстрат, но это справедливо лишь до некоторой степени. Квазисубстрат — явление более сложное: в его составе могут быть не только адстратные элементы, возникшие при маргинальном контакте, но и заимствования, связанные с волной иррадиации (многостепенной иррадиацией при передаче языковых данных от народа к народу) или маршрутным контактом. Квазисубстратные элементы могли восприниматься в разное время и восходить к самым различным источникам, иногда географически несмежным с языком-реципиентом. Такой квазисубстрат неоднороден и многообразен. В сущности он нередко представляет собой смешение фрагментов различных топонимических систем.

Настоящей лабораторией "свежего" квазисубстрата является, например, оронимия Северного Урала. Здесь на суровых горных плато постоянно никто не живет. Только в летний период оленеводы — манси, коми, ненцы — кочуют в этих местах со своими стадами. Осенью они откочевывают в зону тайги, где находятся их зимние жилища. Поэтому здесь нет и не может быть ассимиляции и соответственно субстрата. Но на уральских высокогорьях происходят изменения в соотношении хозяйственных зон и распределении оленеводческих угодий. Так, ненцы со временем перестали пасти стада в верховьях Печоры и Шугора, где теперь кочуют только манси и коми. Однако среди названий гор в этих местах наряду с мансийскими и коми есть и чисто ненецкие по происхождению — *Хальмер-Сале* (ненец. *Хальмер сая* "Отрог покойника") и гетерогенные — *Енгалей-Сяхыл* (ненец. *енгалей* "продолговатый" + манс. *сяхыл* "гора"), но их невозможно рассматривать в качестве субстрата. Это снова заимствования, характерные для весьма специфического (сезонного) взаимодействия языков. А русские топографы, фиксируя оронимию на карте, еще раз совершают заимствование, которое затем кодифицируется, распространяется среди русских и начинает чем-то напоминать так называемое "книжное" заимствование⁴, своего рода культурный перстрат (о термине см. [13, с. 16—17]), представленный в чистом виде освоенной русскими зарубежной топонимией типа Берлин, Лондон, Париж, см. [12].

Вывод о том, что многие названия, которые считаются субстратными, фактически являются заимствованиями, отнюдь не означает, что топонимический субстрат так же неуловим, как проявления субстрата в других сферах языка. Топонимический субстрат может обладать высокой степенью достоверности [14], но приходится всегда иметь в виду, что субстратные названия часто встречаются в сочетании с квазисубстратными, причем их соотношение может быть разным, а отличить субстрат от квазисубстрата (кроме ясных случаев вроде *Лена* и *Обь*) очень трудно или вообще невозможно.

В свете сказанного распространенный взгляд на гидронимию, особенно на названия значительных рек, как наиболее яркое проявление древних субстратов, нуждается в уточнении. Наиболее доказателен прежде всего многочисленный и плотный микротопонимический субстрат. Нет, например, сомнения в наличии

⁴ За рамки проблематики нашей статьи выходит заслуживающий особого обсуждения сложный вопрос о соотношении собственно заимствований и иноязычных топонимов в русской передаче и в русском употреблении, а также о критериях их различения.

мощного пласта субстратной прибалтийско-финской микротопонимии в низовьях Онеги [15], но в то же время сам гидроним *Онега* (ср. также оз. *Онего* > *Онежское*) и названия наиболее крупных притоков этой реки (*Волошка*, *Кена*, *Моша*) могут быть и квазисубстратными (о гидрониме *Волошка* см. [16, с. 69]). Убедительно указывают на субстрат и плотные скопления иноязычных названий малых рек и ручьев, особенно с общим формальным показателем. Таковы на русском Севере гидронимы на *-важ* (*Астваж*, *Ратваж*, *Ухваж* и т.п.), *-енгарь* (*Коненгарь*, *Синенгарь*, *Юченгарь* и т.п.), *-юг* (*Кузюг*, *Нюрюг*, *Рыстюг* и т.п.).

Таким образом, структура дорусской иноязычной топонимии сложна. Она представляет собой своего рода сплав субстрата и квазисубстрата, находящихся в различном соотношении на разных территориях. Механизм образования субстрата и квазисубстрата всегда различен, тогда как результаты процесса могут и совпадать и различаться. Иногда это удается использовать и соответствующим образом интерпретировать. Следовательно, постулат о квазисубстрате может иметь определенное методическое значение.

1. Становится ясным, почему во многих случаях названия крупных рек, а иногда и наименования менее значительных географических объектов трудно этимологизировать, обращаясь к местным языкам. Дело здесь не только в том, что эти названия могут быть очень древними. Такие топонимы бывают и относительно новыми. Важно другое: они могут быть заимствованы не там, где находится сам объект. Поэтому их этимологию иногда приходится устанавливать, опираясь на материал территориально далеко отстоящих языков. Это и оправдывает поиск индоевропейских этимологий для таких гидронимов, как *Двина* [16, с. 69—70] и *Обь* [17, с. 130], находящихся или находившихся некогда в зоне расселения уральских народов, а также помогает понять существование фонетического феномена слова *Двина* с недопустимым для финно-угров инициальным консонантом *дв-* на фоне полного господства финно-угорского субстрата и квазисубстрата. Это же объясняет, почему гидроним *Обь* имеет столь раннюю доколониционную фиксацию в русских памятниках. При учете фактора квазисубстрата становится излишним и предположение о переносе названий крупных рек, например (*Западная*) *Двина* > (*Северная*) *Двина* [18], вообще говоря, и в принципе сомнительном.

2. Из всего сказанного следует, что квазисубстратные топонимы не могут использоваться как надежные этнические определители, ср.: "макротопонимы... этногенетические непоказательны" [2, с. 36—37].

3. В топонимии как определенного рода подсистеме языка тенденция и выравниваний и упрощений проявляется, может быть, даже в большей степени, чем в других подсистемах. Превращаясь в своего рода топонимическое койне, квазисубстратные топонимы нивелируются. "Бездиалектность" древнеевропейской гидронимии, на которую указывают ученые [2, с. 201], возможно, объясняется как раз тем, что она во многих случаях заимствовалась, а не "включалась". Это же относится и к праславянским гидронимам. Открытость этнических границ и нестабильность зон обитания и в том и в другом случае способствовали процессу заимствования.

4. В силу своего лингвоэтнического характера субстрат в топонимии более системен, чем заимствование. Поэтому системность иноязычных топонимических фактов всегда заставляет уделять топонимии определенной территории повышенное внимание, что в свою очередь способствует отделению субстрата от заимствования. В то же время следует иметь в виду, что топоним может оказаться субстратным (субсубстратным) для одного этноса и квазисубстратным для другого.

Так, в северо-восточной части Приобья на территории современного расселения обских угров широко распространены речные названия с финалями на носовой сонант (ср. хант. *Kasəm*, *Mosəm*, *Sotəm*, *Natəŋ*, *Piŋ* и т.п.). В русской передаче они оканчиваются на *м* (реже *н*) с предшествующим гласным (*Казым*,

Назым, Салым, Надым, Пим и т.п.). Эти названия не объясняются из обско-угорских языков и толкуются местным населением только на уровне народной этимологии.

Происхождение гидронимов на носовой сонант неизвестно, но достаточно высокая плотность ареала позволяет относить их к дообскоугорскому субстрату. Однако в русский язык они проникали как заимствования. На это недвусмысленно указывает "Книга Большому Чертежу" 1627 г., в которой засвидетельствованы названия рек *Казым, Мазым* (позднее в результате диссимилиации *Назым, Салым* [19]).

Различение субстрата и квазисубстрата в какой-то мере способствует и решению проблемы соотношения общезыкового и топонимического субстрата, интересной как в теоретическом, так и в методическом плане. Постановка этой проблемы актуальна прежде всего потому, что на некоторых территориях субстрат сохраняется только в топонимии (прежде всего в гидронимии), отсутствуя в то же время в фонетике, грамматике и апеллятивной лексике. Это создает условия для противопоставления топонимического и общезыкового субстрата, см., например [7, с. 146—154], предельно четко выраженного в формуле "топонимический субстрат — явление, отличное от субстрата в языке вообще" [20]. Поскольку субстрат в фонетике и грамматике трудноуловим, это построение доказывается путем сопоставления топонимии и апеллятивной лексики: если в апеллятивной лексике нет иноязычных (субстратных или заимствованных) элементов, субстрат является чисто топонимическим и должен противопоставляться общезыковому субстрату [7, с. 147—149].

Решению обсуждаемой проблемы может способствовать, во-первых, изучение всех разновидностей топонимического субстрата и сравнение их с другими субстратными явлениями, а во-вторых, установление путей формирования чисто гидронимического субстрата⁵.

Реализовать эту программу полностью в рамках одной статьи, однако, невозможно. Поэтому неизбежны ограничения.

1. Топонимический субстрат может быть засвидетельствован как в гидронимии, так и в оронимии, ойконимии и, что особенно важно, в микротопонимии (названиях малых объектов). Поскольку субстратная оронимия относительно немногочисленна, а ойконимия часто вторична, в дальнейшем сопоставляются только гидронимия и микротопонимия, образующие в субстратном топонимическом континууме наиболее важную оппозицию.

2. Субстратные явления возникают и в наше время. Их изучение показывает, что компоненты языка по-разному отражаются в субстрате. Богатый топонимический субстрат совсем не обуславливает наличие субстратных компонентов в звуковой системе, морфологии и синтаксисе языка-реципиента. Так, вымершие пелымский и вагильский диалекты мансийского языка оставили местному русскому населению множество гидронимов и микротопонимов, а также большое количество апеллятивных заимствований, однако нет никаких следов воздействия этих диалектов на местные русские говоры в области фонетики и грамматики. Единственное специфическое явление — спорадическое появление гортанной смычки в случаях типа *хорошо', ладно'* — никак не может быть объяснено на мансийской почве, так как в мансийском языке гортанной смычки нет. Подобно этому и на русском Севере при большом разнообразии субстратной топонимии в микрорегионах, богатстве апеллятивных заимствований и большой пестроте древних финно-угорских языковых источников русские диалекты почти не обнаруживают таких фонетических и грамматических явлений, которые с уверенностью можно считать субстратными (подробнее см. [6, с. 27—51; 13, с. 22—142]). Поскольку субстрат в фонетике и грамматике факультативен и, как уже указывалось, допуска-

⁵ В дальнейшем — гидронимического субстрата

ет множество интерпретаций, субстратная топонимия в пределах определенного микрорегиона сопоставляется только с апеллятивной лексикой, ср. [7, с. 147—149].

3. Разграничить субстратную и заимствованную апеллятивную лексику трудно (см. выше). Поэтому все апеллятивы рассматриваются недифференцированно как заимствованные: для решения поставленных задач важно не столько различие заимствованной и субстратной апеллятивной лексики, сколько соотносительность всего комплекса усвоенных из предшествующего языка иноязычных лексем с различными видами топонимического субстрата — общетопонимическим и гидронимическим.

4. Чтобы понять специфику процесса возникновения субстрата, следует обратиться к достаточно показательным, относительно недавним и притом типичным, фактам. К ним явно не относятся древний и во многом спорный как в отношении топонимии, так и апеллятивной лексики палеобалканский материал, очень своеобразное как в лингвистическом, так и в историко-культурном отношении языковое наследие североамериканских индейцев⁶ и квазисубстратные гидронимы Сибири [7, с. 148—149]. Для установления типологии топонимического субстрата и критериев его выявления также наиболее существенны результаты сравнительно недавних и исторически бесспорных языковых контактов.

Ярким примером возникновения лингвоэтнического субстрата может служить ассимиляция пелымских и вагильских манси в северо-восточном Зауралье. В начале века (1901—1906 гг.) финский лингвист А. Каннисто еще записывал здесь живую мансийскую речь и фольклорные тексты, а в 1955—1956 гг. автор статьи не нашел в этих местах ни одного говорящего на мансийском языке, хотя встречался со многими потомками манси, имеющими характерный антропологический облик (*Анкины, Мульмины* и др.). Сбор топонимии показал, что среди географических названий на этой территории очень много субстратных мансийских гидронимов и микротопонимов, ср. гидронимы *Ворья* (ман. *wōr, wār* "лес", *jā* "река"), *Кулья* (*xūl, kūl* "рыба", *jā* "река"), *Лактур* (*lakw, lāxw* "круг, кольцо", *tūr* "озеро"), *Омпатурка* (*ātp, oātp* "собака", *tūr* "озеро") и микротопонимы *Ерсава* (*jer* "край, рубеж", *sāw, sau* "остров леса на бэлате"), *Икутальяка* (*ēkwa, jēkwā* "женщина", *tal'ax, tal'k* "вершина"), *Кулхпетин-воль* (*xūlah, khulx* "ворон", *pitij* "гнездовой", *wōl, wuo'* "плес"), *Лэнгурай* (*l'ōnx, l'ōnqx* "дорога", *ūraj* "старлица") и т.п. [22].

Сбор и изучение русской диалектной лексики в населенных пунктах по рекам Пелым и Вагиль выявили в ней и большое количество апеллятивных заимствований из мансийского языка (70 слов), ср.: *арпа* "рыболовный запор" < манс. *ārpi, ārp* тж., *воет* "заливной луг" < манс. *oji, ājt* тж., *ёхла* "вяленая рыба" < манс. *joxəl* тж., *пайва* "берестяной кошель" < манс. *pājp, pājp* тж., *шумьех* "амбар на высоких столбах" < манс. *sūtjax, sūtjex, sūtjex* тж. и т.д. [23]. Почти все эти заимствования относятся к сфере географической терминологии, охоты и рыболовства.

Таким образом, в русском народном языке северо-восточного Зауралья широко представлен как топонимический, так и лексический материал, усвоенный из языка дорусского населения. И это типично для процесса ассимиляции, если он осуществляется в ходе длительного совместного обитания и постепенного обрусения при наличии общих интересов в хозяйственной области: главные занятия пелымских и вагильских манси — охота и рыболовство — и для русских были очень существенны. Поэтому заимствование терминологических лексем в некоторых случаях происходило, видимо, до лингвоэтнической ассимиляции: они заимствовались еще в период существования живой топонимии аборигенов.

Аналогичная ситуация возникает при наложении микротопонимического суб-

⁶ Ср.: "Но бывает, например, у многих племен американских индейцев, — что язык умирает целиком и в не тронутом виде" [21]

страта на гидронимический субстрат. В центре Архангельской области в верховьях реки Мехреньга (бассейн Емцы) обнаружено очень плотное гнездо прибалтийско-финской субстратной микропонимии карельского типа, наслонившейся на древнюю неприбалтийско-финскую гидронимию. Трудно сказать, когда местное население перешло на русскую речь, но, если судить по освоенности субстрата и по отсутствию каких-либо "карельских" реминисценций у старожилов, со времени ассимиляции местных прибалтийских финнов прошло уже несколько столетий.

В топонимии этого микрорегиона множество прибалтийско-финских микропонимов с формантами *-нема* "мыс" ~ карел. *niemi* (*Вазонема, Линьнема, Орехнема, Пертнема*), *-пелда, -палда* "поле" ~ карел. *peldo, peldo* (*Вымпелда, Тишепелда; Ерьпалда, Сюрпалда*) и другими. Анализ семантики топонимов свидетельствует, что местное прибалтийско-финское население занималось прежде всего земледелием и скотоводством (ср. основы *пелд-* "поле", *ваз-* ~ карел. *vaza* "теленки", *орех-* ~ карел. *ofeh* "жеребец" и т.п.) и по своему образу жизни не отличалось от русских, что и ускорило ассимиляцию.

Обильны прибалтийско-финские элементы и в местной русской лексике. Среди них есть широко распространенные слова типа *макса, пакула, сарьга, тюка, хонга* [24] и оригинальные локализмы *харма* "иней" ~ карел. *härmi* т.ж., *шеймус* "место нереста семги (углубление в дне реки)" ~ карел. *šeiimi, šoimi* "кормушка, колыбель" и др.

Следовательно, на русском Севере складывается в целом та же картина, что и в Зауралье: там, где есть плотные гнезда микропонимии, обнаруживается и многочисленная заимствованная (субстратная) афеллятивная лексика. Это, видимо, одна из норм лингвоэтнической ассимиляции.

Ситуация резко меняется при гидронимическом субстрате, например, в юго-восточной части русского Севера (бассейн Юга). Субстратная микропонимия встречается здесь крайне редко, а среди иноязычных диалектных лексем мало специфичных, в основном это хорошо известные на всем русском Севере финно-угорские по происхождению слова типа *карбас, луда, льва, морда, мянда, нодья, сима, сузём* (<приб.-фин.), *кабус, ннша, чунки, юксы* (<саам.) и т.п. (подробнее см. [25]). Между тем субстратная гидронимия очень распространена в этом регионе, для которого характерен, в частности, обширный и плотный ареал гидронимов с формантом *-юг* "река".

Нечто подобное обнаруживается и в горнозаводской части Северного Урала, где обычна субстратная мансийская гидронимия — *Калья, Турья* и т.п. [17], но отсутствует мансийская микропонимия и крайне редко фиксируются афеллятивные заимствования из мансийского языка.

Есть несколько путей возникновения гидронимического субстрата.

Во-первых, это может быть "старый" субстрат, реликт общетопонимического субстрата, свидетельствующий о том, что процесс этнической ассимиляции давно завершился. Как хорошо известно, в таких случаях субстратная микропонимия постепенно исчезает, заменяется русской, напротив, субстратная гидронимия (кроме микрогидронимии) обычно сохраняется. Ярким примером "старого" субстрата является древняя финно-угорская гидронимия бассейна реки Юг. Этот регион был давно освоен русскими. Их привлекли здесь благодатные земли, через которые проходили важнейшие водные пути. Фактор времени сыграл свою роль, и на этой территории сохранился главным образом гидронимический субстрат.

Во-вторых, при смене этносов могут сказаться различия в типе хозяйствования между народом-ассимилятором и коренными жителями, что во многих случаях сочетается с разницей в количестве населения. Так, при различиях в экономическом укладе и малочисленности аборигенов (охотников, оленеводов и т.п.) в ассимилирующий язык редко проникает ненужная для пришельцев микропонимия (названия угодий), уменьшается и число заимствованных

апеллятивных лексем Именно таковы камасинский гидронимический субстрат на Саянах, оставленный русскоязычному населению немногочисленными оленеводами (см [261]), и уже упомянутая мансийская субстратная гидронимия в горнозаводской части Северного Урала, где малочисленная популяция охотников-манси была поглощена в течение XVIII—XIX вв русским населением

В-третьих, специфическую ситуацию может создать часто встречающийся в гидронимии субсубстрат, воспринятый субстратным языком Такую ситуацию обнаруживаем на русском Северо-Западе в псковско-новгородской области Отсутствие балтийских апеллятивных заимствований в местных русских говорах при довольно богатом балтийском субстрате в гидронимии считается доказательством специфики топонимического субстрата по сравнению с общеязыковым [7, с 150—154] Но поскольку балтийская гидронимия в этих местах субсубстратна [7, с 153—154], нет оснований и для поиска балтийских заимствований в русских говорах, а также балтийской микротопонимии Балтийские заимствования должны были проникнуть в речь местных прибалтийских финнов, как это и было в других микрорегионах [27—28], а не в говоры русского населения

Кроме того, иллюзия гидронимического субстрата может создаваться древними топонимическими заимствованиями (квазисубстратом) Поскольку вопрос о квазисубстрате рассмотрен уже достаточно подробно, подчеркнем только, что квазисубстратные элементы присущи, по-видимому, всем топонимическим системам, в той или иной степени связанным с древними водными путями (русский Северо-Запад, русский Север, Северный и Средний Урал, Западная и Восточная Сибирь и т п) Поэтому на одной и той же территории могут сосуществовать "старый" гидронимический субстрат и квазисубстрат

Таким образом, топонимический субстрат возникает, как и любое субстратное явление, но из-за своей специфики (относительной устойчивости, обусловленной функциональной ограниченностью и территориальной прикрепленностью) более приспособлен для сохранения своих особенностей в чужеродной языковой среде По этой причине наиболее показательны проявления языкового субстрата именно в области топонимии, особенно принадлежащей отдаленно родственным или вообще неродственным языкам (славянская топонимия в Германии, финно-угорские географические названия на русском Севере и т п) Топонимия такого рода, резко отличающаяся от исконных топонимов функционирующего языка отсутствием внутренней формы, своеобразием звукового облика и формальных примет, иногда опознается как чужеродный материал самими местными жителями Когда субстратные элементы топонимии достаточно многочисленны, лингвист тем более уверенно идентифицирует ее как более древний языковой пласт

Следовательно, топонимия — вообще говоря, довольно однообразная подсистема языка — представляет большой теоретический интерес именно потому, что при всех исключениях и оговорках она достаточно часто является надежным и доказательным случаем субстрата Однако это совсем не основание для противопоставления топонимического субстрата общеязыковому Нельзя соглашаться с утверждением, что топонимический субстрат показателен только при очевидных следах субстрата в фонологии и грамматике [29] Логично, однако, предполагаемое тем самым включение топонимического субстрата в общеязыковой субстрат Действительно, топонимический субстрат — лишь наиболее простая и распространенная его разновидность

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Лизани В* Взаимоотношения между общим языком и языком индивидуальным // Современное итальянское языкознание М, 1971 С 83—84
- 2 *Трубачев О Н* Этногенез и культура древнейших славян Лингвистические исследования М, 1991
- 3 *Террачини Б* Субстрат // Современное итальянское языкознание М, 1971 С 42

- 4 *Матвеев А К* Руск диал чильма // Этимология русских диалектных слов Свердловск 1978
- 5 *Попов А И* Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 1955 T V Fasc 1—2
- 6 *Востриков О В* Финно-угорский субстрат в русском языке Свердловск 1990
- 7 *Агеева Р А* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно исторической информации М, 1989
- 8 Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии Сб документов М 1951
- 9 *Кривошекова Гантман А С* Географические названия Верхнего Прикамья Пермь, 1983 С 76—77
- 10 *Бере Л С* История русских географических открытий М 1962 С 63
- 11 Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв М 1976 С 147—148
- 12 Теория и методика ономастических исследований М, 1986 С 132
- 13 *Uesker W* Die Frage des finnougurischen Substrats in der russischen Sprache Bloomington, 1967
- 14 *Матвеев А К* Методы топонимических исследований Свердловск, 1986 С 7
- 15 *Матвеев А К* Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ 1989 № 1
- 16 *Матвеев А К* Архaisческая русская топонимия на северо-востоке Европейской части СССР // ВЯ 1987 № 2
- 17 *Матвеев А К* Географические названия Урала Свердловск 1987
- 18 *Фасчер М* Этимологический словарь русского языка Т 1 М, 1964 С 488
- 19 Книга Большому Чертежу М, Л, 1950 С 168, 173, 174
- 20 *Агеев Р А* Гидронимия псковских и новгородских земель в свете истории заселения края Автореф дис канд филол наук М, 1973 С 18
- 21 *Вайнрайх У* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике Вып VI М 1972 С 59
- 22 *Глинских Г В* Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р Тавде // Этимология русских диалектных слов Свердловск 1978
- 23 *Матвеев А К* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч зап Уральского ун-та Вып 32 Свердловск, 1959
- 24 *Kalita J* Die ostseefinnischen Lehwörter im Russischen // MSFo 1919 XLIV
- 25 *Востриков О В* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования Свердловск, 1981
- 26 *Матвеев А К* Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ 1972 № 3 С 76
- 27 *Thomsen V* Berøringar mellem de finske og de baltiske (litauisk lettiske) Sprog København 1890
- 28 *Kalita J* Itämerensuomalaisen kielen balttilaiset lainasanat Helsinki 1936
- 29 Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка М, 1970 С 295—296